

В. В. Ведерников

Рукопожатие Валка. Воспоминания последнего ученика

Жизнь идет без плана, движется без руля и ветрил сама собою, но этот прихотливый и беспорядочный ход в действительности имеет свои скрытые закономерности, которые со временем становятся очевидны. Когда оглядываешься назад, понимаешь, что есть события, которые казались маловажными, ничтожными. Но именно они определили твою судьбу. Вот такое событие и произошло в моей жизни в мае 1972 г., когда, после кончившейся чуть ранее положенного времени лекции по истории КПСС, мы с приятелем Борей Косолаповым беспечно шли по длинному истфаковскому коридору, обсуждая подготовку города к визиту президента Никсона. Говорили мы чрезвычайно громко, потому что дверь аудитории 57 отворилась и на нас набросился невысокого роста очень пожилой преподаватель, в пенсне. Из эмоциональной тирады, сопровождавшейся энергичным жестикулированием, мы поняли только слово «безобразие», произнесенное несколько раз. Смущенные и озадаченные, мы тихо удалились, пораженные этой фигурой из далекого прошлого. Это была моя первая встреча с С. Н. Валком, встреча, которая сыграла важную роль в моем профессиональном выборе, да, пожалуй, и в формировании не только профессиональных, но и ценностных ориентаций.

Без всякого преувеличения можно сказать, что Валк — легенда истфака. Моему поколению еще посчастливилось застать М. И. Артамонова, помню фигуру М. К. Каргера, который обычно важно и степенно шел на кафедру искусствоведения с большой тростью, напоминая Васнецовского Ивана Грозного. Любезно

раскланивался с коллегами грузный С. Б. Окунь, а вот Валк, казалось, был смущен самим фактом своего существования. Он старался исчезнуть, раствориться, слиться со стенами истфака. Но это было невозможно. Манерой, поведением, обликом и даже речью он выдавал себя, пришельца из мира, где носили бороду клинышком, ходили в пенсне, целовали дамам ручки и посещали библиотеку. Словом, это был человек из России начала XX в., который каким-то неведомым образом оказался в брежневском СССР. Неизменный секретарь партбюро истфака М. Н. Кузьмин «по секрету» сообщал доверенным лицам из числа студентов, что Валк до 1917 г. был меньшевиком. Меньшевистское прошлое, скорее всего, досужий вымысел. Гимназист Валк сочувствовал польским социалистам, его первые публикации появились в газете «День», издании, стоявшем левее кадетов, которое называло себя «беспартийным демократическим органом», а после Февраля — органом социалистической мысли. Публиковался он и в журнале «Голос минувшего», одним из организаторов которого был В. И. Семевский, сочувствовавший народным социалистам. Думаю, он был беспартийным демократом с убеждениями несколько левее кадетских. Внешне же он был очень похож на Л. Б. Каменева, труды которого по истории общественного движения Валк знал и высоко ценил.

О таких людях, как Валк, говорят: не от мира сего. Крупный ученый, разбирающийся в эволюции формуляра частного акта, он был беспомощен перед повседневными житейскими проблемами. Он искренне не понимал, как надо отблагодарить врача, чтобы его не обидеть. Помню, как мы наблюдали стадии эволюции пуговицы на профессорском пиджаке. Сначала она едва заметно стала отставать от основы, потом едва держалась на двух-трех ниточках, пока все не оторвалась. Заняло это недели две.

А уже на втором семестре наша группа историков дореволюционной России попала на семинар к Сигизмунду Натановичу. Признаюсь, что это были довольно трудные занятия. Сигизмунд Натанович говорил очень быстро и неразборчиво, стремительно перемещаясь из одного конца аудитории в другой, что разительно отличалось от манеры В. В. Штокмар, которая, сидя за преподавательским столом, излагала материал четко, размеренно, ее лекции было легко конспектировать. Кроме того, мы сразу почувствовали, что дело даже не в индивидуальной манере, а в самом уровне культуры нашего поколения и поколения выпускников предвоенного историко-филологического факультета (1913/14 г.). Вспоминаю такой почти анекдотический случай. Один из наших товарищей, задержавшись дома, опоздал к началу занятий и отсутствовал на семинаре. «Где НН?», — этот вопрос Валк повторил неоднократно. «На каникулах еще, не вернулся», — звучало из аудитории. «Где-где?» — «На каникулах». Этот диалог затянулся. И тут Сережа Андреев решил перевести русский образца 1972 г. на язык студентов начала века. «Он на вакациях, Сигизмунд Натанович». — «Ах, на вакациях, впрочем, что-то они затянулись у вашего товарища», — сказал Валк. Взаимопонимание было достигнуто.

В архиве Валка сохранился список докладов студентов нашей группы. Ограниченные хронологией курса (XIX – начало XX в.), они прежде всего отражали наши интересы, а если студент затруднялся с определением проблематики, то преподаватель охотно приходил на помощь, тем более что круг его интересов был поистине безграничным: от Русской Правды до декретов советской власти. Список показывает, как уточнялась и видоизменялась тема доклада под влиянием преподавателя. Первоначально тема С. З. Андреева сформулирована предельно общо: периодическая печать первой половины XIX в. Затем рукою Валка внесено серьезное уточнение: М. Т. Каченовский – журналист. Специальной работы о Каченовском у Валка нет, но этому историку посвящена его небольшая, но емкая и насыщенная фактическим материалом статья в Энциклопедии братьев Гранат. М. Ф. Задворная (Хартанович) по совету Валка взяла тему о создании Археографической комиссии, из которой последовательно выросла дипломная работа, а затем и кандидатская диссертация.

У двух однокурсников – студента из Японии Ивей Синьити и Ангелины Прокопенко – темы отсутствуют. Совершенно не помню, как решилась проблема у зарубежного студента. Что касается Ангелины, то она очень хотела заниматься историей Лицея, его вкладом в создание управленческой элиты страны. Но Валк мягко, но весьма настойчиво не рекомендовал анализировать этот сюжет. Думаю, потому что он мог вывести на полузапретное тогда «дело лицеистов». Вместо этого он предложил заняться официальной версией восстания декабристов, имея в виду книгу М. А. Корфа, и с его рекомендацией Лина согласилась.

Меня же интересовала проблема парламентской альтернативы самодержавию. На первом курсе под руководством В. В. Мавродина я написал работу об Уложенной комиссии 1767 г., а зимой 1972 г. приобрел в «Старой книге» стенографические отчеты Первой государственной думы, оставшись с минимальной суммой, на которую с трудом дожил до очередной стипендии. Тема у Валка возражений не вызвала, но он предложил достаточно оригинальный поворот. Из-за скоропалительного распуска первого русского парламента стенографические отчеты последних двух заседаний не были изданы, сохранившись в архиве в виде машинописи с правкой как самих ораторов, так и председателя Думы С. А. Муромцева. Следовало бы проследить все видоизменения текста от первоначальной стенограммы к официальному отчету. Могу сказать, что работа оказалась очень сложной и кропотливой. Я остановился на дальних подступах к теме, успев лишь рассмотреть формирование стенографического бюро и точность работы стенографов. Но в свое оправдание скажу, что исследование, требующее колоссальных усилий, не проделано, насколько мне известно, до сих пор. И только сейчас, прочитав стенограмму объединенного заседания Института истории Ленинградского отделения Общества историков-марксистов, которое было посвящено «вредительской работе» С. Ф. Платонова и Е. В. Тарле, я понял, что С. Н. хотел реализовать свой давний замысел. Защищая наследие

своего учителя А. С. Лаппо-Данилевского от нападок ортодоксальных марксистов-ленинцев, Валк отелял «идеологически вредную» методологию «дворянского историка» Лаппо-Данилевского от его конкретно-исторических методов, связанных с приемом критики источника, методов, которые могли быть включены в арсенал советской исторической науки. В этой связи Валк приводит такой пример. «Кто имел дело со стенографическими отчетами Государственной думы или политических организаций 1917 или 1918 гг., увидел бы там, что <...> нельзя ставить вопрос ребром: всегда или первый, или последний текст. Если оратор правит стенограмму, то, отвлеченно рассуждая, нужно было бы взять правленую самим оратором стенограмму. Но если подойти к такому документу с точки зрения политической критики текста, вы можете заметить, что эта правка речи оратором служила, например, для того, чтобы ряд моментов в его выступлении смазать»¹.

Пожалуй, только с Леней Заславским, который углубленно изучал церковный раскол XVII в., вышла заминка. Тема была далека от научных интересов Валка, и, думаю, ее формулировка принадлежит самому Заславскому: «Характер государственного законодательства в царствование Павла Первого в отношении старообрядцев».

Не обошлось и без курьезов. Один из участников семинара взял для доклада сформулированную им самостоятельно тему «Метод С. М. Соловьева как историка на примере исследования взаимоотношения Руси и кочевников». Доклад же свелся к пересказу сюжетов о кочевниках из Соловьевского многотомника. Валку, признанному специалисту в области теории и методологии истории, доклад не понравился, он начал задавать вопросы о методологии, а студент упрямо повторял одно и то же. В результате Валк вышел из себя, стал говорить довольно резко, впрочем, довольно быстро остыл и извинился. Конфликт был исчерпан.

13 декабря 1972 г. С. Н. отмечал свое 85-летие. Неожиданно на кафедре нам предложили поехать к Валку и поздравить его с юбилеем. Боюсь ошибиться, но мне помнится, что инициатива исходила от нашего куратора В. А. Петровой. Предложение крайне неожиданное и необычное, так как в советское время неформальное общение студентов и преподавателей, мягко говоря, не приветствовалось. Мы удивились, но поехали, наверное, купив в качестве подарка букет цветов.

Сейчас, работая с архивом учителя, я узнал его петербургские адреса. В 1910-х гг. он снимал жилье на Васильевском острове, в своеобразном «Латинском квартале» Северной столицы. Неподалеку обитал В. И. Семевский, здесь же была и квартира И. М. Грэвса. С середины 1920-х гг. по начало 1960-х Валк жил на Петроградской стороне по адресу Гулярная, д. 18, кв. 5, затем переехал по адресу Вторая Красноармейская, д. 5, кв. 40, а в конце 1960-х гг. получил квартиру на окраине города по адресу проспект Науки, 12, где и прожил до конца жизни. Сейчас сюда можно добраться без труда, сев на метро и выйдя

на станции «Академическая». А тогда метро не было, к проспекту Науки вез старенький и шумный трамвай-«американка» № 18 из двух вагонов. Ехал он от Васильевского острова до нужного нам адреса более часа. Для Валка, петербуржца с многолетним стажем, переезд в новый район, так сказать, из Санкт-Петербурга в Ленинград, был мучителен и неприятен. Его верная помощница Симина вспоминала, что Валк с огорчением говорил: «Вот в конце жизни переехали в деревню». Надо учесть и довольно плохое сообщение выросшей окраины и центра города. Трамваи, особенно в часы пик, были переполнены. Дорога занимала много времени, а Валк с его «старорежимными» манерами не позволял себе сидеть, если в вагоне находились дамы. На услужливые предложения желающих уступить место он отвечал обыкновенно вопросом: «Неужели я выгляжу таким старым?»

Вот этот путь и проделала наша небольшая группа: я, как староста, Сережа Андреев и Леня Заславский. Не помню, но, кажется, мы предварительно позвонили с телефона-автомата, и когда приехали, то нас тепло встретил Сигизмунд Натанович и его многолетняя помощница и опекун Надежда Симина. Жил С. Н. в небольшой блочной двухкомнатной квартире. Кабинет украшали работы художников Серебряного века (А. Н. Бенуа, К. С. Петров-Водкин, К. А. Сомов). У рабочего стола — фотографии учителей А. С. Лаппо-Данилевского и В. И. Семевского. А весь дом буквально переполнен книгами. Они стояли везде, в том числе и в кухне, которая едва ли использовалась по прямому назначению, разве только для того, чтобы чайник вскипятить. Помню огромное многотомное издание «Истории Украины-Руси» Грушевского, стоявшее в прихожей, и комплекты журналов «Каторга и ссылка», «Красный архив», с которыми Валк сотрудничал.

Нас усадили за стол. «Студентам — вредные сосиски, а Вам, Сигизмунд Натанович — полезная кашка», — предложила Надежда Симина, жившая в соседней квартире. И тут началась застольная беседа. Сигизмунд Натанович рассказывал о своих учителях, о семинаре Лаппо-Данилевского, о Семевском, который увлеченно работал над крестьянским вопросом и, лишенный кафедры, проводил занятия у себя дома. Он особо подчеркивал, что занятия у Лаппо-Данилевского носили характер неформального кружка, в котором участвовали и студенты, и лица, уже окончившие университет, и представители других учебных заведений. При этом Валк показывал нам фото участников семинара, которое запечатлело действительно достаточно солидных людей. Как-то незаметно поколенческая грань растворилась, мы вошли в мир начала века, поняли его, оценили открытость и доброту нашего учителя. Думаю, провели мы в гостеприимной квартире не менее 3 часов, а уходить не хотелось.

На прощание Валк щедро нас одарил книгами из своей библиотеки. Мне подарил том стихов Брюсова издательства «Академия», «Московский еженедельник» за 1907 г. и сборник сатирических стихотворений Бой-Кота (псевдоним поэтессы О. Чюминой). Знаю, что С. Н. щедро делился книжными богатствами

со своими коллегами. В частности, он поддержал идею спецкурса по отечественной мемуаристике, которую успешно реализовал Б. В. Ананыч, и передал ему издания об особенностях психологии авторов воспоминаний.

На третьем курсе я, Ангелина Прокопенко, Рита Задворная избрали специализацию у С. Н. Валка. Ему сложно было вечерами приезжать на занятия в университет, поэтому он договорился, что мы примем участие в заседаниях спецсеминара Бориса Васильевича Ананыча, а для отчета о своей работе будем по мере надобности приезжать к своему научному руководителю, предварительно договорившись по телефону. Такие встречи обыкновенно происходили в один из субботних или воскресных дней.

Вспоминается один курьезный случай. В 1973 г. я был в гостях в Петрозаводске, в гостеприимном доме Витухновских. Но подходило время отъезда: в воскресенье была назначена встреча с С. Н. Валком. Александр Лазаревич, глава семьи, сказал, что он без труда решит проблему и, заговорщики подмигнув мне, набрал номер С. Н. Он еще не успел представиться, как мой научный руководитель рассыпался в извинениях. Причину объяснил Александр Лазаревич, который защищал свою кандидатскую в Ленинградском университете осенью 1949 г. Голосование прошло единогласно, но один бюллетень не был опущен в урну. Позже выяснилось, что увлеченный разговором с одним из своих коллег, Валк просто позабыл проголосовать. Разумеется, никаких последствий это недоразумение не имело, но Валк, вспоминая этот случай, всякий раз при встрече с Александром Лазаревичем, считал своим долгом сокрушенно напомнить о своей невольной ошибке. А ведь прошло уже почти четверть века. Деликатность и чувство долга, они были органично связаны с личностью старого ученого. Конечно, перенос моего отчета перед научным руководителем был без труда согласован.

О деликатности моего научного руководителя говорит и его поведение в больнице, куда он был госпитализирован в начале 1975 г. и откуда ему не суждено было вернуться домой. Его товарищи по больничной койке рассказывали, что он, мучимый приступами боли, не мог сдержать стона, но, чтобы не тревожить сон других, уходил в коридор.

Манера поведения с собеседником не зависела от возраста, статуса и социального положения человека. Глубокое уважение он вызывал не только у коллег по историческому цеху, но и у тех, кого принято называть простыми людьми: у гардеробщиков, технического персонала библиотек. Они явно выделяли его из общего потока посетителей.

Своеобразным тестом на человечность является отношение к детям. Они безошибочно узнают простосердечных, добрых и открытых людей и тянутся к ним. Валк был именно таким человеком. Руслан Григорьевич Скрынников рассказывал мне о дружбе его сына Коли с Сигизмундом Натановичем, о том, что, когда семья посетила Вологду, Коля решил послать привет своему другу. Каково было мое удивление, когда в архиве ученого я нашел эту открытку, написанную детским почерком, бережно сохраненную Валком!¹²

В ЛОИИ долго вспоминали шефскую поездку коллектива Института в Ленинградскую область. Поездка была довольно продолжительной и по пути коллектив решил перекусить в одной из дорожных столовых. Было время обеденного перерыва, и Валк за неимением свободных мест сел за столик с рабочим, который, почувствовав заинтересованное внимание к себе со стороны собеседника, рассказал о своей жизни, а потом предложил скрепить знакомство выпивкой, достав припрятанный «мерзавчик». Валк долго отказывался, а рабочий, приняв отказ за проявление этикетной деликатности, продолжал настаивать. И тут в разговор вмешался Л. Е. Шепелев, но увидев, что его энергичный натиск не находит поддержки у старого ученого, напрямую спросил: «Впрочем, Сигизмунд Натанович, может быть, вы действительно желаете выпить?» Бедный Валк поспешил ретироваться в автобус, оставив своих собеседников, и молчал всю дорогу.

К визитам на проспект Науки я старался тщательно готовиться, звонил тогда, когда мне действительно нужны были консультации, а передав рукопись, ждал положенного срока, чтобы, позвонив, узнать, когда можно подойти, чтобы получить текст работы с замечаниями и рекомендациями руководителя. Начинались встречи с чаепития, а потом следовала беседа как по проблемам работы, так и по общим вопросам. Удивительно, но, занимаясь историей Первой Думы, я почему-то считал начало века далеким прошлым, мне и в голову не приходило, что мой учитель — живой современник (да и участник) событий Первой русской революции, который мог бы рассказать и о настроениях молодежи, и об отношении к думской избирательной кампании, и о своих выдающихся современниках: С. Ф. Платонове, Е. В. Тарле, Б. А. Романове, Г. В. Федотове, которых он хорошо знал. Насколько я могу судить, он вообще избегал говорить о своей роли в общественном движении, о студенческих протестах 1911 г., за участие в которых он был исключен из университета. В этом можно увидеть присущую С. Н. скромность. Но мне кажется, что есть возможность и иного объяснения. Несомненно, можно было бы построить собственную биографию таким образом. Молодой провинциал, попав в университет, принимает активное участие в студенческой жизни. Но, не имея достаточно жизненного опыта, попадает под влияние мелкобуржуазной идеологии, совершая ряд неверных шагов. Участие в мировой войне, революционные события в стране дают толчок к полному разрыву с прекраснодушными иллюзиями, и обогащенный жизненным опытом ученый примыкает к делу строительства советской науки. Именно такой сценарий успешно был реализован автором пьесы «Беспокойная старость» Л. Рахмановым. И пьеса, и фильм «Депутат Балтики» имели успех у зрителя, а «Беспокойная старость» шла в постановке Г. А. Товстоногова с блестящим С. Ю. Юрским в главной роли. Думаю, что подобный сценарий биографии имел все шансы на успех в 1960–1970-е гг., когда о репрессиях старались забыть, а на первый план выдвигались идеи преемственности традиций, уважения к прошлому, «гуманность» революции и ее вождей. Думаю, для Валка

это было неприемлемо. Он сохранял верность своим учителям, благодарную память о современниках. Отношение к прошлому ярко характеризует его замечательная статья о традициях Петербургской исторической школы, написанная к 125-летию Университета. Валк не оставил воспоминаний, но в конце жизни дал серию статей об историках Е. В. Тарле, Б. А. Романове, И. И. Смирнове и других. Рассчитанные на публикацию, они, разумеется, содержат неизбежные пробелы и умолчания. Но иногда прорываются оценки, характеризующие отношение С. Н. к дореволюционному прошлому. Так, недолгий период между 1906 и 1917 гг. он характеризует как самый блестящий период во всей дореволюционной истории Университета³. Не менее интересна реакция историка на выступление А. А. Новосельского, который, называя Валка «старым (читай: буржуазным. – В. В.) источникovedом», рассказал, что он, Новосельский, всего лишь четырьмя годами моложе Валка, разъяснил «старому источникovedу», что есть «есть ряд вопросов, которые целиком являются советскими, марксистскими»⁴. На это Валк язвительно заметил: «как “старый источникoved”, я не только никогда никаким советским источниковедением сам не занимался, но даже никогдa никаких работ, связанных с советским источниковедением, не читал»⁵.

Мои беседы с научным руководителем касались в основном проблем, связанных с курсовой, но в некоторых случаях именно научные проблемы выводили на темы, связанные с репрессиями в СССР. Разрабатывать думскую тематику начал А. Н. Слепков, книгу которого я купил в букинистическом магазине. Но в обзорах литературы я эту фамилию не встречал, не было и справки об историке в Советской исторической энциклопедии. Валк сказал, что он подвергся репрессиям. Позже, углубившись в историю КПСС, я нашел Слепкова среди приверженцев школы Н. И. Бухарина. Такая же история была и с книгой автора, который в моей картотеке был обозначен странной итальянской фамилией Томсини. Его книгу о Думе я найти не мог. Валк уточнил, что речь шла об историке С. Г. Томсинском; думаю, мой учитель лично знал его, так как Томсинский был директором Историко-археографического института, сотрудничал с «левой оппозицией», а его карьера трагически завершилась в годы большого террора.

Как-то на семинар я принес составленный правоведом Н. И. Лазаревским сборник законодательных актов, связанных с реформой государственного строя в России⁶. Во время работы над дипломным сочинением этот сборник стал моей настольной книгой. Валк обратил внимание, что приобретена книга, судя по помете владельца, была осенью 1908 г., что не соответствовало дате выхода издания. Объяснялось противоречие просто: желая сохранить впечатление новизны, издатели, выпуская свою продукцию, датировали ее следующим годом. Кстати, в это же время подобную практику использовали в это время советские молокозаводы, едва ли знакомые с опытом своих предшественников. Во второй половине дня покупатель мог купить «завтрашнее» молоко, но я, знакомый с этой практикой, все же загадки решить не мог. Разъяснив ее, Валк спросил,

что же я знаю о составителе. Знал я немного: юрист, один из основателей еженощельника «Право», кажется, кадет. «Он был расстрелян в 1921 г.», — добавил Валк. Я, конечно, знал о «красном терроре», читал ленинские письма к Зиновьеву с требованием поддержать низовую инициативу пролетариев Петрограда в борьбе с контрреволюцией, но был уверен, что с окончанием Гражданской войны «просто так» не расстреливали. Валк пожал плечами, не желая продолжать разговор. Много позже я узнал о «деле Таганцева», по которому и проходил Н. И. Лазаревский.

Валк, как известно, подвергался критике и за «лаппо-данилевщину», и за «буржуазный объективизм». В числе тех, кто пользовался его консультациями, был и автор воспоминаний о революции 1917 г. А. Г. Шляпников, позднее репрессированный. Удивительно, но книга Шляпникова с дарственной надписью хранилась в библиотеке Валка, что было серьезным риском. По «академическому делу» проходили его друзья А. И. Андреев и Б. А. Романов. Даже участие Валка в подготовке к изданию ленинских трудов не могло быть в полном смысле слова индульгенцией, так как Постановление ЦК ВКП(б) констатировало наличие в этом издании «грубейших политических ошибок вредительского характера в приложениях, примечаниях и комментариях к некоторым томам сочинений»⁷. Но, к счастью для Валка, политические обвинения не переросли в уголовные.

В формулировании своих позиций Валк был чрезвычайно осторожен, предпочитая теоретизированию работу по изданию и комментированию источников. Не вышла из печати его работа о «Народной воле», единственная монография историка носит обзорно-биографический характер, а фундаментальная статья о петербургской исторической школе вызвала обвинение в «буржуазном объективизме». При этом, по воспоминаниям Г. М. Дейча, Валк констатировал, что между теорией и практикой марксизма-ленинизма лежит пропасть. «Теория себя не оправдала»⁸. Анализируя польскую часть библиотеки историка, Б. С. Каганович пришел к выводу, что Валк проявлял интерес к трудам философов и социологов, которые интерпретировали идеи Маркса в духе теорий гуманного, демократического социализма. В их числе Р. Гароди, Л. Колаковский и А. Шафф⁹.

Вероятно, тема репрессий волновала историка. В бумагах Валка за 1974 г. случайно сохранилась запись, свидетельствующая о том, что он был знаком с содержанием «Архипелага ГУЛАГа» А. И. Солженицына. Фрагментарные записи предположительно касаются социального и национального состава жертв террора. Отчетливо читается итог размышлений Валка: «Автор прав»¹⁰.

В конце 1973 г. произведение Солженицына было опубликовано, и его полностью читали на «Радио Свобода», фрагменты звучали на Немецкой волне. Но качество передач «Свободы» из-за постоянного глушения оставляло желать лучшего. С. Н. Валк был хорошо знаком с В. Р. Лейкиной-Свирской, квартиру которой посещали лица, связанные с правозащитным движением. Был знаком

с Валком и будущий составитель сборников «Память», молодой историк А. Б. Рогинский¹¹. Я не исключаю, что у моего учителя был печатный экземпляр «Архипелага».

Валк на втором курсе познакомил меня с азами архивной работы, ему я обязан еще одной привилегией. Но прежде позволю себе небольшое отступление. Сейчас, в эру интернета, заинтересованному читателю открыт удаленный доступ не только к печатным изданиям, но даже и к архивным фондам. Полвека назад дело обстояло значительно сложнее. Основным источником информации являлось печатное слово, книжные богатства были представлены по регионам страны неравномерно. В нашем поселке было целых три (вместе со школьной) библиотеки, в которых можно было обнаружить довоенные и даже дореволюционные издания. К школьным сочинениям я готовился по «Истории русской литературы XIX в.» Д. Н. Овсянико-Куликовского, был в библиотеке и фундаментальный курс русской историографии Н. Л. Рубинштейна, но, конечно, подборок газет за довоенные годы, исторической периодики не было. Поэтому, поступив в Университет, я по рекомендации моего университетского товарища Лени Заславского, который ранее учился на философском факультете и хорошо знал книжные собрания города, стал активным посетителем нынешней Российской национальной библиотеки. В рамках своеобразной культурной сегрегации библиотека была разделена на читальные залы для людей с высшим образованием (пл. Островского) и студенческие залы на Фонтанке (нынешний газетный фонд). Здесь всегда было много посетителей, а в период сессии приходилось даже стоять в очереди, чтобы попасть в читальный зал. Академическая библиотека с ее богатейшим собранием и газетным залом для студентов была недоступна. Но благодаря ходатайству Сигизмунда Натановича я в 1972 г. получил билет читателя БАН, что сильно упростило работу, так как и заказы выполнялись оперативно, и подшивки газет можно было оставлять на абонементе, не заказывая всякий раз, как при посещении Публичной библиотеки. Это мне очень помогло при создании дипломного сочинения, а потом и при подготовке к поступлению в аспирантуру при ЛОИИ.

Давая рекомендацию для оформления читательского билета в академическую библиотеку, Валк почему-то подчеркнул, что я студент, приехавший «из Магадана», что было не совсем точно. Место моего рождения — районный центр Усть-Омчуг, находится в 265 километрах от областного центра, а с Магаданом я познакомился только в 1971 г., когда стал участником школьной олимпиады и примерно неделю жил в городе. Может быть, моя родина ассоциировалась у учителя с глухой окраиной, откуда поступить в столичный вуз нелегко? На такое предположение натолкнула меня переписка Валка с его ученицей Ларисой Левиной (Шмулевич), которая после окончания Университета вместе с мужем-военнослужащим попала в Петропавловск-Камчатский в 1950 г. Ее письма создают впечатление тяжелой и безотрадной жизни. Холода и снежные заносы, отсутствие элементарных бытовых удобств, скучные

фонды областной библиотеки, в книжном магазине можно свободно купить только сочинения Ленина и Сталина, а главное, окружение, озабоченное только тем, чтобы поднакопить денег и уехать «на материк»¹². Но у нас все было по-другому! Декабристы преобразовали Сибирь, а ссыльные и репрессированные оказали благотворное влияние на развитие Колымы и Чукотки. Школьной самодеятельностью 1953 г. руководил ученик Вс. Мейерхольда Л. Варпаховский, с гастролями приезжали В. Козин и «первая труба Европы» Эдди Рознер, в Облаптекоуправлении работал скромным экономистом получивший в будущем известность как исследователь творчества М. Цветаевой Генрих Горчаков. Разумеется, после смерти Сталина многие вернулись на родину, но культурная аура, созданная несколькими поколениями, осталась. Жаль, что я не смог в этом убедить Сигизмунда Наташевича.

Тема репрессий не всплывала в наших разговорах, но однажды, не помню уже в связи с чем, мы заговорили о том, есть ли в истории прогресс, «учит» ли она чему-либо? И тут наши мнения разошлись. Я доказывал, что после печального опыта двух мировых войн новое глобальное столкновение невозможно. Цена человеческой жизни слишком высока. Валк, который был мобилизован в Первую мировую и пережил Вторую в тяжелых условиях эвакуации, был настроен более скептически. Сейчас я понимаю, что скепсис моего учителя имел определенные основания.

Советская эпоха — это время тотального дефицита, в том числе и дефицита на доступ к информации. Историк, занимавшийся началом XX в., был отрезан от источников, прежде всего от мемуаристики, выходившей за пределами СССР, как идеино-враждебной и клеветнической. Но благодаря ходатайству моего научного руководителя я уже на втором курсе получил отношение, подписанное «тройкой» (декан, секретарь партбюро и, кажется, председатель профкома), которое давало право на посещение спецхрана. Не без внутреннего трепета, пройдя по запутанной системе коридоров, поднимался я на третий этаж Публичной библиотеки, где за неприметной железной дверью без таблички находился заветный отдел. Строгая хранительница, внимательно ознакомившись с отношением и задав вопрос, с какой целью я буду читать «антисоветчину», удалялась во внутреннее помещение, откуда приносила необходимое издание. Посетители сидели по одному в некотором удалении друг от друга, интерес к тому, что читает сосед, был предосудителен и не поощрялся. С благоговением взял я в руки объемистый том в мягкой обложке воспоминаний П. Н. Милюкова и затем в течение нескольких недель по воскресеньям приходил в отдел и переписывал объемные главы книги в тетрадь (иные способы копирования текста были невозможны).

Я хорошо запомнил 1974 г., последний год жизни моего учителя. Валк в этом году несколько раз был госпитализирован, зимой 1974 г. я посетил его в больнице. По рассказам Б. В. Ананьича, когда в 1954 г. он со своими товарищами на венчал Валка после операции, им пришло проявить чудеса изобретательности.

А. А. Фурсенко, выдавая себя за туриста из Великобритании, смог купить в буфете Европейской гостиницы апельсины, весьма дефицитные в городе. В 1974 г. они продавались на каждом углу, как и ароматные венгерские яблоки. Но меня осадили: С. Н. ничего не нужно, а вот иностранной прессе он будет рад. Я пошел к Европейской гостинице, где на углу улицы Бродского и Невского проспекта стоял киоск Союзпечати, торгующий зарубежной коммунистической прессой, купил как можно больше газет от небольшого формата «The Morning Star» до объемной «L'Unità». Надо сказать, что Валк действительно обрадовался такому подарку.

В конце 1973 г. в журнале «Вопросы истории» появилась статья А. Л. Никитина «Болтинское издание Правды Русской»¹³. Само появление этой статьи не могло не вызвать ряд недоуменных вопросов. Возможность публикации результатов исследования всегда была проблемой, в том числе и для авторитетных историков. В данном случае журнал открыл свои страницы для историка-любителя. Но дело даже не в этом. Статья в академическом журнале содержала недопустимые приемы полемики. Болтина Никитин называл государственным человеком, воодушевленным любовью к Отечеству, и именно эта причина, по его мнению, и вызывает враждебность Валка к историку XVIII в. Выводы эти были лишены всякого основания. Валк признавал, что Болтинское издание памятника было для своего времени «громадным шагом вперед» и представляет «ценнейший и еще недостаточно использованный для научной биографии Болтина материал», но в то же время оно «лишено всякого значения как пособие для установления текста Русской Правды»¹⁴.

Со страниц журнала повеяло духом 1949 г., кампанией борьбы с безродными космополитами. Мы в студенческом кругу обсуждали эту странную статью. Б. В. Ананьич рассказывал, что в ЛОИИ хотели направить коллективное письмо в редакцию в защиту Валка. В архиве ученого сохранилась переписка с редакционной коллегией журнала. В письмах, называя обвинения Никитина намеренной ложью и доносом, Валк просит поместить свой ответ. Позиция редакции в этой ситуации выглядела более чем странно. Она сочла ответ неуместным. Валку ставились в вину неуважительное отношение к оппоненту и обвинения личного характера, хотя этими признаками отличалась скорее статья Никитина. Настоятельные просьбы дать окончательный ответ, все равно, положительный или отрицательный (последнее письмо Валк пишет накануне дня своего рождения 12 декабря), редакция проигнорировала. Обстоятельный и аргументированный ответ был посмертно опубликован в Трудах Пушкинского Дома¹⁵.

В мае 1974 г. отмечалось 40-летие истфака. В аудитории амфитеатром прошел замечательный остроумный капустник по сценарию Д. Н. Альшица. Завершал концерт хор, исполнивший свой вариант Патриотической песни М. И. Глинки, в котором были такие слова:

Славься, экзамена трудный момент,
 Славься, профессор, незлобный доцент!
 Славься, отличника радостный клич
 И Валк Сигизмунд свет Натанович.

При упоминании имени Валка все встали и зааплодировали. Он, сидевший в первых рядах, смущенно раскланялся. Это было данью признания замечательному ученому от тех поколений историков, которым выпала честь пройти школу С. Н. Валка.

Несмотря на свой достаточно почтенный возраст, Валк не производил впечатления уставшего от жизни человека. Он много работал, его исследования были востребованы. В архиве ученого хранятся приглашения, относящиеся к 1974 г., дать материалы в сборники к юбилеям Л. В. Черепнина, Н. Н. Воронина, Д. С. Лихачева. Об отношении к Валку его коллег по историческому цеху свидетельствует письмо саратовского историка Н. А. Троицкого. Просьбу написать материал к приближающемуся 100-летию со дня рождения Е. В. Тарле Троицкий сопровождает такой оговоркой: «Торопить Вас мы не станем, готовы согласовать с вами любой, удобный для Вас, срок представления рукописи — если потребуется, дадим любую отсрочку»¹⁶.

Валка часто можно было встретить в зале филармонии, на художественных выставках. В июне 1974 г. в Эрмитаж привезли выставку «Сокровища гробницы Тутанхамона». Во время одной из наших встреч Валк поинтересовался, был ли я в Эрмитаже. Я с гордостью сказал — конечно, нет, не хочу тратить драгоценное время, необходимое для занятий наукой, на то, чтобы отстоять большую очередь в кассу. «Вы, Володя, неправы, — сказал Валк, — такой выставки долго не будет. Непременно сходите!» Я не послушал совета, о чем жалею до сих пор, а вот Валк, несмотря на свой возраст и большую занятость, успел сходить в Эрмитаж.

Последний раз в квартире на проспекте Науки мы вместе с А. А. Прокопенко были в декабре 1974 г., в день рождения учителя. После этого я говорил с ним в январе по телефону. Хотел посоветоваться относительно выступления на студенческой конференции в Университете, посвященной 70-летию революции 1905 г. Но учитель был уже тяжело болен. Разговор не состоялся.

Среда, 5 февраля 1975 г. Этот день я хорошо помню. Только что закончились зимние каникулы, занятия на истфаке возобновились. Среда — это самый нелюбимый день недели, потому что по средам — военная кафедра. Но в прошлом году мы прошли военные сборы, теперь можно заниматься чистой наукой. И вдруг у деканата большое объявление в траурной рамке. Знакомое лицо. Не стало Сигизмунда Натановича Валка...

Панихида проходила в актовом зале университета, играл струнный квартет.

Прошло полвека с того времени, когда С. Н. ушел от нас, он был в четыре раза старше меня, теперь я потихоньку приближаюсь к его возрасту, понимая

многое, чего не знал и не понимал студент четвертого курса истфака. Жалею о том, что о многом не расспросил, не поговорил. Но сейчас ясно осознаю, что мои научные интересы во многом сформировались под воздействием моего первого учителя. Книга о Герценштейне — результат занятий историей Думы. Победоносцев, который стал «героем» периода Александра Третьего, чьему посвящена глава С. Н. в учебнике по истории СССР, неизменно привлекал внимание ученого, он давал темы для докладов и дипломных работ по Победоносцеву. Мне удалось опубликовать публицистические работы Победоносцева и его письма 1870-х гг. К. К. Арсеньев, память о котором удалось увековечить при поддержке С. В. Степанова и энтузиастов из Плюссы и Луги, тоже связан с С. Н. Валком. Арсеньев редактировал Новый энциклопедический словарь, а Валк был сотрудником этого издания и, конечно, знал редактора. Так что у меня с Арсеньевым есть общий знакомый, как это ни удивительно.

На занятиях с молодым поколением я иногда спрашиваю: сколько рукопожатий отделяет нынешнюю молодежь от М. В. Буташевича-Петрашевского? Обычный ответ: 10–15. Я предлагаю произвести точный подсчет. Мой учитель был учеником В. И. Семевского, брат которого Александр был женат на сестре Петрашевского. А от Петрашевского ниточка тянется к Ф. М. Достоевскому, В. Ф. Одоевскому, а от него — к А. С. Пушкину. Я передаю молодому поколению рукопожатие Валка, в надежде, что связь времен не прервется.

- ¹ Зайдель Г., Цвобак М. Классовый враг на историческом фронте. М.; Л., 1931. С. 157.
- ² Архив Санкт-Петербургского института истории РАН (далее — Архив СПБИИ РАН). Ф. 297 (Валк С. Н.). Д. 15. Л. 60.
- ³ Валк С. Н. Борис Александрович Романов // Исследования по социально-политической истории России: сборник памяти Бориса Александровича Романова. Л., 1971. С. 8.
- ⁴ Кастанов С. М., Курносов А. А. Некоторые вопросы теории источниковедения // Исторический архив. 1962. Т. 4. С. 194–195.
- ⁵ Архив СПБИИ РАН. Ф. 297. Оп. 1. Д. 15. Л. 49. Письмо Валка было адресовано редактору журнала «Исторический архив». Вряд ли рассчитывая на публикацию, Валк сделал несколько машинописных копий, по-видимому, знакомя с текстом друзей и коллег.
- ⁶ Законодательные акты переходного времени, 1904–1908 / Под ред. Н. И. Лазаревского. СПб., 1909.
- ⁷ О постановке партийной пропаганды в связи с выходом «Краткого курса истории ВКП(б)»: Постановление ЦК ВКП(б) // Правда. 1938. 15 ноября.
- ⁸ Дейч Г. М. Воспоминания советского историка. СПб., 2000. С. 63–64.
- ⁹ Каганович Б. С. К теме: С. Н. Валк и марксизм (Заметки С. Н. Валка на полях книги Адама Шаффа «Марксизм и человеческая личность») // Славяноведение. 2020. № 5. С. 57–67; Архив СПБИИ РАН. Ф. 297. Оп. 1. Д. 15.
- ¹⁰ Архив СПБИИ РАН. Ф. 297. Оп. 1. Д. 182. Л. 197.
- ¹¹ Исторический сборник «Память». Исследования и материалы / Сост. и комментарии Б. Мартин, А. Свешников. М., 2017. С. 288. За указание на это издание благодарю А. Ю. Даниэля.

- ¹² Архив СПБИИ РАН. Ф. 297. Оп. 1. Д. 15. Л. 8–26.
- ¹³ Никитин А. Л. Болтинское издание Правды Русской // Вопросы истории. 1973. № 11. С. 54–65.
- ¹⁴ Валк С. Н. И. Н. Болтин и его работа над Русской Правдой // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XIV. Л., 1958. С. 653.
- ¹⁵ Валк С. Н. Еще о Болтинском издании Правды Русской // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XXX. Л., 1976. С. 324–331.
- ¹⁶ Архив СПБИИ РАН. Ф. 297. Оп. 1. Д. 15. Л. 113–114.

References

- Kaganovich, B. S. K teme: S.N. Valk i marksizm (Zametki S.N. Valka na polyakh knigi Adama Shaffa “Marksizm i chelovecheskaya lichnost’.”) [Related: S.N. Valk and Marxism (S.N. Valk’s Notes in the Margins of Adam Schaff’s Book “Marxism and the Human Personality”). In Russ.]. In *Slavyanovedenie*. 2020. No. 5, pp. 57–67.
- Nikitin, A. L. Boltinskoe izdanie Pravdy Russkoi [Boltin Edition of the Russian Truth. In Russ.]. In *Voprosy istorii*. 1973. No. 11, pp. 54–65.
- Valk, S.N. Boris Aleksandrovich Romanov [In Russ.]. In *Issledovaniya po sotsial’no-politicheskoi istorii Rossii: sbornik pamyati Borisa Aleksandrovicha Romanova*. Leningrad, Nauka publ., 1971. 398 p.
- Valk, S.N. Eshche o Boltinskem izdanii Pravdy Russkoi [More about the Boltin Edition of Russian Truth. In Russ.]. In *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Vol. 30. Leningrad, Nauka publ., 1976. P. 324–331.
- Valk, S. N. I.N. Boltin i ego rabota nad Russkoi Pravdoi [I.N. Boltin and his Work on the Russian Truth. In Russ.]. In *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Vol. 14. Moscow, Leningrad, 1958. P. 650–656.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

В. В. Веденников. Рукопожатие Валка. Воспоминания последнего ученика // Петербургский исторический журнал. 2025. № 4. С. 253–268. DOI: 10.51255/2311-603X_2025_4_253

Аннотация: Автор публикации принадлежит к числу последних участников спецкурса крупного отечественного ученого, источниковеда и историка С. Н. Валка. Автор, близко общавшийся со своим научным руководителем в 1972–1974 гг., отмечает особенности работы ученого со студенческой аудиторией, его подход к выбору исследовательской тематики, указывает на сложности, возникавшие в процессе общения студентов и преподавателя и способах их преодоления. В советском вузе Валк был живым носителем традиций петербургской исторической школы и стремился передать эти традиции своим ученикам. Автор приводит факты, свидетельствующие об интересе историка к общественному движению в стране. Внимание удалено полемике между Валком и А. Л. Никитиным, которая привлекала интерес как ученых, так и студентов. Ряд эпизодов характеризуют бытовые привычки ученого. Статья публикуется к 50-летию со дня смерти С. Н. Валка.

Ключевые слова: С. Н. Валк, петербургская историческая школа, источниковедение, историография, воспоминания.

FOR CITATION

V. V. Vedernikov. Valk's Handshake. Memories of His Last Student // Petersburg Historical Journal, no. 4, 2025, pp. 253–268. DOI: 10.51255/2311-603X_2025_4_253

Abstract: The author of the publication is one of the last participants in the special course of a major Russian scientist, source specialist and historian S.N. Valk. The author, who was in close contact with his supervisor in 1972–1974, notes the peculiarities of the scientist's work with the student audience, his approach to choosing research topics, and points out the difficulties that arose in the process of communication between students and teachers and ways to overcome them. At the Soviet university, Valk was a living bearer of the traditions of the St. Petersburg historical school and sought to pass on these traditions to his students. The author provides facts indicating the historian's interest in the social movement in the country. Attention is paid to the controversy between Valk and A. L. Nikitin, which attracted the attention of both scientists and students. A number of episodes characterize the scientist's everyday habits. The article is published to mark the 50th anniversary of S.N. Valk's death.

Key words: S.N. Valk, St. Petersburg historical school, source studies, historiography, memoirs.

Автор: **Ведерников, Владимир Викторович** — к.и.н., доцент кафедры истории и права Санкт-Петербургского технологического института (Санкт-Петербург, Россия).

Author: **Vedernikov, Vladimir Viktorovich** — PhD in History, Associate Professor of the Department of History and Law of the St. Petersburg Institute of Technology (St. Petersburg, Russia).

E-mail: vedvlvik@mail.ru